

**ГДѢ ЛЮБОВЬ
ТАМЪ И БОГЪ.**

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ, А ВЪ ПРАВДѢ.

O. U. K.

Pla

38

gesek

Tonciön

ГДѢ ЛЮБОВЬ,

ТАМЪ И БОГЪ.

МОСКВА.

Тип. И. Д. Сытина и К^о. Пятницкая ул., собств. домъ.

1886.

Дозволено цензурою, Москва 24 Мая 1885 г.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 104.6.9...
20 а. IX 1933г.

ГДѢ ЛЮБОВЬ, ТАМЪ И БОГЪ.

Жиль въ городѣ сапожникъ Мартынъ Авдѣичъ. Жиль онъ въ подвалѣ, въ горенкѣ объ одномъ окнѣ. Окно было на улицу. Въ окно видно было, какъ проходили люди; — хотъ видны были ноги, но Мартынъ Авдѣичъ по сапогамъ узнавалъ людей. Мартынъ Авдѣичъ жилъ давно на одномъ мѣстѣ, и знакомства много было. Рѣдкая пара са-

ПОГЪ ВЪ ОКОЛОДКЪ не побывала и разъ и два у него въ рукахъ. На какіе подметки подкинетъ, на какіе латки положить, какіе обошьетъ, а въ другой разъ и новыя головки сдѣлаетъ. И часто въ окно онъ видалъ свою работу. Работы было много, потому что работалъ Авдѣичъ прочно, товаръ ставилъ хорошій, лишняго не бралъ и слово держалъ. Если можетъ къ сроку сдѣлать—возьметъ, а нѣтъ, такъ и обманывать не станетъ, впередъ говорить. И знали всѣ Авдѣича, и у него не переводилась работа. Авдѣичъ и всегда былъ человѣкъ хорошій, но подъ

старость сталъ онъ больше о душѣ своей думать и больше къ Богу приближаться. Еще когда Мартынъ у хозяина жилъ, померла у него жена. И остался послѣ жены одинъ мальчикъ—трехъ годовъ. Дѣти у нихъ не жили. Старшіе всѣ прежде померли. Хотѣлъ сначала Мартынъ сынишку сестрѣ въ деревню отдать, потомъ пожалѣлъ—подумалъ: тяжело будетъ Капитошкѣ моему въ чужой семьѣ расти, оставлю его при себѣ. И отошелъ Авдѣичъ отъ хозяина и сталъ съ сынишкой на квартирѣ жить. Да не далъ Богъ Авдѣичу въ дѣтяхъ счастья. Только под-

росъ мальчикъ, сталъ отцу помогать, только бы на него радоваться, напала на Капитошку болѣзнь, слегъ мальчикъ, погорѣлъ недѣльку и померъ. Схоронилъ Мартынъ сына и отчаялся. Такъ отчаялся, что сталъ на Бога роптать. Скука такая нашла на Мартына, что не разъ просилъ у Бога смерти и укорялъ Бога за то, что Онъ не его старика, прибралъ, а любимаго единственнаго сына. Пересталъ Авдѣичъ и въ церковь ходить. И вотъ зашелъ разъ къ Авдѣичу отъ Троицы землякъ-старичекъ — ужъ восьмой годъ странствовалъ. Разговорился

съ нимъ Авдѣичъ и сталъ ему на свое горе жаловаться:

— И жить, говорить, Божій человекъ, больше не охота. Только бы помереть. Объ одномъ Бога прошу. Безнадежный я остался теперь человекъ.

И сказалъ ему старичекъ:

— Не хорошо ты говоришь, Мартынъ, намъ нельзя Божьи дѣла судить. Не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ. Твоему сыну судилъ Богъ помереть, а тебѣ—жить. Значить такъ лучше. А что отчаяваешься, такъ это оттого, что ты для своей радости жить хочешь.

— А для чего же жить-то? спросилъ Мартынь.

И старичекъ сказалъ: „Для Бога, Мартынь, жить надо. Онъ тебѣ жизнь даетъ, для Него и жить надо. Когда для Него жить станешь, ни о чемъ тужить не станешь, и все тебѣ легко покажется“.

Помолчалъ Мартынь и говоритъ: „А какъ же для Бога жить-то?“

И сказалъ старичекъ: „А жить какъ для Бога, то намъ Христось показалъ. Ты грамотѣ знаешь? Купи Евангеліе и читай, тамъ узнаешь, какъ для Бога жить. Тамъ все показано“.

И запали эти слова въ сердце Авдѣичу. И пошелъ онъ въ тотъ же день, купилъ себѣ Новый Заветъ крупной печати и сталъ читать.

Хотѣлъ Авдѣичъ читать только по праздникамъ, да какъ началъ читать, такъ ему на душѣ хорошо стало, что сталъ каждый день читать. Другой разъ такъ зачитается, что въ лампѣ весь керосинъ выгорить, и все отъ книги оторваться не можетъ. И сталъ такъ читать Авдѣичъ каждый вечеръ. И что больше читалъ, то яснѣе понималъ, чего отъ него Богъ хочетъ и какъ надо для Бога жить; и все легче и

легче ему становилось на сердце. Бывало прежде, спать ложится, охаетъ онъ и кречеть и все про Капитошку вспоминаетъ, а теперь только приговариваетъ: „Слава Тебѣ, слава Тебѣ Господи! Твоя воля“. И съ той поры перемѣнилась вся жизнь Авдѣича. Бывало прежде, праздничнымъ дѣломъ, захаживалъ и онъ въ трактиръ, чайку попить, да и отъ водочки не отказывался. Выпьетъ бывало съ знакомымъ человѣкомъ и хоть не пьянъ, а все-таки выходилъ изъ трактира навеселѣ и говаривалъ пустое: и окрикнетъ и оговорить человѣка. Теперь все это

само отошло отъ него. Жизнь стала его тихая и радостная. Съ утра садится за работу, отработаетъ свое время, сниметъ лампочку съ крючка, поставитъ на столъ, достанетъ съ полки книгу, разложитъ, и сядетъ читать. И что больше читаетъ, то больше понимаетъ и то яснѣе и веселѣе на сердцѣ.

Случилось разъ, поздно зачитался Мартынъ. Читалъ онъ Евангеліе отъ Луки. Прочелъ онъ главу шестую, прочелъ онъ стихи: „Ударившему тебя по щекѣ подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй

взять и рубашку. Всякому просящему у тебя давай, и отъ взявшаго твое не требуй назадъ. И какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними“. Прочель и дальше тѣ стихи“, гдѣ Господь говоритъ:

„Что вы зовете Меня: Господи! Господи! и не дѣлаете того, что Я говорю? Всякій приходящій ко Мнѣ, слушающій слова Мои, и исполняющій ихъ скажу вамъ, кому подобенъ. Онъ подобенъ чело-вѣку, строящему домъ, который копалъ, углубился и положилъ основаніе на камнѣ, почему, когда случилось навод-

неніе, и вода наперла на этотъ домъ, то не могла поколебать его, потому что онъ основанъ былъ на камнѣ. А слушающій и не исполняющій подобенъ человѣку, построившему домъ на землѣ безъ основанія, который, когда наперла на него вода, тотчасъ обрушился; и разрушеніе дома сего было великое“.

Прочиталь эти слова Авдѣичъ, и радостно ему стало на душѣ. Сняль онъ очки, положилъ на книгу, облокотился на столъ и задумался. И сталъ онъ примѣрять свою жизнь къ словамъ этимъ. И думаетъ самъ съ собой:

— Что, мой домъ на камнѣ или на пескѣ! Хорошо, какъ на камнѣ. И легко такъ-то, одинъ сидишь, кажется все и сдѣлалъ, какъ Богъ велитъ, а разсѣешься и опять согрѣшишь. Все-жъ буду тянута. Ужъ хорошо очень. Помоги мнѣ Господи!

Подумалъ онъ такъ, хотѣлъ ложиться, да жаль было оторваться отъ книги. И сталъ читать еще 7-ю главу. Прочелъ онъ про сотника, прочелъ про сына вдовы, прочелъ про отвѣтъ ученикамъ Іоанновымъ и дошелъ до того мѣста, гдѣ богатый фарисей позвалъ Господа къ себѣ въ гости, и про-

челъ о томъ, какъ женщина грѣшница помазала Ему ноги и омывала ихъ слезами, и какъ Онъ оправдалъ ее. И дошелъ онъ до 44-го стиха и сталъ читать:

„И обратившись къ женщинѣ, сказалъ Симону: видишь ли ты сію женщину? Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды Мнѣ на ноги не далъ; а она слезами облила Мнѣ ноги и волосами головы своей отерла, какъ Я пришелъ, не перестаетъ цѣловать у Меня ноги. Ты головы Мнѣ масломъ не помазалъ; а она мѣромъ помазала Мнѣ ноги“. Прочелъ онъ эти стихи и думаетъ: „Воды

на ноги не далъ, цѣлованія не далъ, головы масломъ не помазалъ“...

И опять снялъ очки Авдѣичъ, положилъ на книгу и опять задумался.

„Такой же видно, какъ я, фарисей-то былъ. Тоже я, чай, только объ себѣ помнилъ. Какъ бы чайку напитокся, да въ теплѣ, да въ холѣ, а нѣтъ того, чтобы о гостѣ подумать. Объ себѣ помнилъ, а объ гостѣ и заботушки нѣтъ. А гость-то кто? Самъ Господь. Кабы ко мнѣ пришелъ, развѣ я такъ бы сдѣлалъ?“

И облокотился на обѣ руки

Авдѣичъ и не видалъ, какъ задремалъ.

— Мартынъ! вдругъ какъ задышало что-то у него надъ ухомъ.

Встрепенулся Мартынъ съ просонокъ: „Кто тутъ?“

Повернулся онъ, взглянулъ на дверь—никого. Прикурнулъ онъ опять. Вдругъ явственно слышитъ:

— Мартынъ, а Мартынъ! смотри завтра на улицу, приду.

Очнулся Мартынъ, поднялся со стула, сталъ протирать глаза. И не знаетъ самъ,—во снѣ или на яву слышалъ онъ слова эти. Завернулъ онъ лампу и легъ спать.

На утро до свѣта поднялся Авдѣичъ, помолился Богу, истопилъ печку, поставилъ щи, кашу, развелъ самоваръ, надѣлъ фартукъ и сѣлъ къ окну работать. Сидитъ Авдѣичъ, работаетъ, а самъ все про вчерашнее думаетъ. И думаетъ на двое: то думаетъ, померещилосьъ, а то думаетъ, что и вправду слышалъ онъ голосъ. Что-жъ, думаетъ, бывало и это.

Сидитъ Мартынъ у окна и столько не работаетъ, сколько въ окно смотритъ, и какъ пройдетъ кто, въ незнакомыхъ сапогахъ, изогнется, выглядываетъ изъ окна, чтобы не одни ноги, а и лицо увидеть. Про-

шелъ дворникъ въ новыхъ валенкахъ, прошелъ водовозъ, потомъ поровнялся съ окномъ старый солдатъ Николаевскій въ обшитыхъ старыхъ валенкахъ съ лопатой въ рукахъ. По валенкамъ узналъ его Авдѣичъ. Старика звали Степанычемъ, и жилъ онъ у сосѣдняго купца изъ милости. Положена ему была должность дворнику помогать. Сталъ противъ Авдѣичева окна Степанычъ очищать снѣгъ. Посмотрѣлъ на него Авдѣичъ и опять взялся за работу.

— Вишь, одурѣлъ видно я со старости, самъ на себя посмѣялся Авдѣичъ. Степанычъ

снѣгъ чистить, а я думаю Христосъ ко мнѣ идетъ. Совсѣмъ одурѣлъ старый хрычъ. Однако стежковъ десятокъ сдѣлалъ Авдѣичъ, и опять тянетъ его въ окно посмотрѣть. Посмотрѣлъ опять въ окно, видитъ Степанычъ прислонилъ лопату къ стѣнѣ, и самъ не то грѣется, не то отдыхаетъ.

Человѣкъ старый, ломаный, видно и снѣгъ-то сгребать силы нѣтъ. Подумалъ Авдѣичъ: напоить его развѣ чайкомъ, кста-ти и самоваръ уходить хочется. Воткнулъ Авдѣичъ шило, всталъ, поставилъ на столъ самоваръ, залилъ чай и постучалъ пальцемъ въ стекло,—

Степанычъ обернулся и подошелъ къ окну. Авдѣичъ помянилъ его и пошелъ отворить дверь.

— Войди, погрѣйся, что-ль, сказалъ онъ. Озябъ чай.

— Спаси Христось и то—кости ломають, — сказалъ Степанычъ. Вошелъ Степанычъ, отряхнулся отъ снѣга, сталъ ноги вытирать, чтобы не наслѣдить по полу, а самъ шатается.

— Не трудись вытирать. Я подотру, наше дѣло такое, проходи, садись, сказалъ Авдѣичъ. Вотъ чайку вышей.

И Авдѣичъ налилъ два стакана и подвинулъ одинъ гостю,

а самъ вылилъ свой на блю-
дечко и сталъ дуть.

Выпилъ Степанычъ свой ста-
канъ, перевернулъ дномъ квер-
ху и на него положилъ огры-
зокъ, и сталъ благодарить. А
самому видно еще хочется.
„Кушай еще“, сказалъ Авдѣ-
ичъ и налилъ еще стаканъ и
себѣ и гостю. Пьетъ Авдѣичъ
свой чай, а самъ нѣтъ, нѣтъ
на улицу поглядываетъ.

— Али ждешь кого? спро-
силъ гость.

— Жду кого? И сказать со-
вѣстно, кого жду: Жду не жду,
а запало мнѣ въ сердце слово
одно. Видѣнье или такъ, самъ
не знаю. Видишь ли братецъ

ты мой; читалъ я вчера Евангеліе про Христа Батюшку, какъ Онъ страдалъ, какъ по землѣ ходилъ. Слыхалъ ты я чай?

— Слыхать слыхалъ, отвѣчалъ Степанычъ, да мы люди темные, грамотѣ не знаемъ.

— Ну вотъ, читалъ я про самое то, какъ Онъ по землѣ ходилъ, читаю я, знаешь, какъ Онъ къ фарисею пришелъ, а тотъ Ему встрѣчи не сдѣлалъ. Ну такъ вотъ, читалъ, братецъ ты мой, я вчера про это самое и подумалъ: какъ Христа, Батюшку, честь честью не принялъ. Доведись, къ примѣру, мнѣ или кому, думаю и не зналъ бы какъ принялъ. А онъ

и приему не сдѣлалъ. Вотъ подумалъ я такъ-то и задремалъ. Задремалъ я, братецъ ты мой, и слышу по имени кличетъ: поднялся я, голосъ, ровно шепчетъ кто-то, жди, говоритъ, завтра приду. Да, до двухъ разъ. Ну вотъ, вѣришь ли, запало мнѣ это въ голову—самъ себя браню, и все жду Его Батюшку.

Степанычъ покачалъ головой и ничего не сказалъ, а допилъ стаканъ и положилъ его бокомъ, но Авдѣичъ опять поднялъ стаканъ и налилъ еще.

— Кушай на здоровье. Вѣдь тоже думаю, когда Онъ Батюшка по землѣ ходилъ, не

брезговаль никѣмъ, а съ простымъ народомъ больше водил-ся. Все по простымъ ходилъ, учениковъ то набираль все больше изъ нашего брата, такихъ же какъ мы грѣшные, изъ рабочихъ. Кто, говоритъ, возвышается, тотъ унижится, а кто унижается, тотъ возвысится. Вы Меня, говоритъ, Господомъ называете, а Я, говоритъ, вамъ ноги умою. Кто хочетъ, говоритъ, быть первымъ, тотъ будь всѣмъ слуга. Потому что, говоритъ, блаженны нищіе, смиренные, кроткіе, милостивые.

Забылъ свой чай Степанычъ, человекъ онъ былъ старый

и мягкослезый. Сидитъ, слушаетъ, а по лицу слезы катятся.

— Ну, кушай еще, сказалъ Авдѣичъ. Но Степанычъ перекрестился, поблагодарилъ, отодвинулъ стаканъ и всталъ.

— Спасибо тебѣ, говоритъ, Мартынъ Авдѣичъ, угостилъ ты меня, и душу и тѣло насытилъ.

— Милости просимъ, заходи другой разъ, радъ гостю, сказалъ Авдѣичъ. Степанычъ ушелъ, а Мартынъ слилъ послѣдній чай, допилъ, убралъ посуду и опять сѣлъ къ окну за работу — строчить задникъ. Строчить, а самъ все поглядыва-

ваеть въ окно—Христа ждеть,
все о Немъ и объ Его дѣлахъ
думаетъ. И въ головѣ у него
все Христовы рѣчи разныя.

Прошли мимо два солдата,
одинъ въ казенныхъ, другой
въ своихъ сапогахъ, прошелъ
потомъ въ чищенныхъ кало-
сахъ хозяинъ изъ сосѣдняго
дома, прошелъ булочникъ съ
корзиной. Всѣ мимо прошли,
и вотъ поровнялась еще съ ок-
номъ женщина въ шерстяныхъ
чулкахъ и въ деревенскихъ
башмакахъ. Прошла она мимо
окна и остановилась у про-
стѣнка. Заглянулъ на нее изъ
подъ окна Авдѣичъ, видитъ
женщина чужая, одѣта плохо

и съ ребенкомъ, стала у стѣны къ вѣтру спиной и укутываетъ ребенка, а укутывать не во что. Одежа на женщинѣ лѣтняя да и плохая. И изъ за рамы слышитъ Авдѣичъ, ребенокъ кричитъ, и она его уговариваетъ, никакъ уговорить не можетъ. Всталъ Авдѣичъ, вышелъ въ дверь и на лѣстницу и кликнулъ: „умница! а умница!“ Женщина услыхала, и обернулась.

— Что же такъ на холоду съ ребеночкомъ стоишь? Заходи въ горницу, въ теплѣ-то лучше уберешь его. Сюда вотъ.

Удивилась женщина. Видитъ старикъ старый въ фартукъ,

очки на носу, зоветъ къ себѣ.
Пошла за нимъ.

Спустились подъ лѣстницу,
вошли въ горницу, провель
старикъ женщину къ кровати.
„Сюда говоритъ садись умница,
къ печкѣ ближе — погрѣешься
и покормишь младенца-то“.

Молока-то въ грудяхъ нѣтъ,
сама съ утра не ѣла, сказала
женщина, а все-таки взяла къ
груди ребенка.

Покачалъ головой Авдѣичъ,
пошелъ къ столу, досталъ
хлѣбъ, чашку, открылъ въ печи
заслонку, налилъ въ чашку
щей, вынулъ горшекъ съ ка-
шей да не упрѣла еще, налилъ
однихъ щей и поставилъ на

столь. Досталь хлѣба, сняль съ крючка утирку и на столь положиль.

— Садись, говоритъ, покушай умница, а съ младенцемъ я посижу, вѣдь у меня свои дѣти были — умѣю съ ними няньчиться.

Перекрестилась женщина, сѣла къ столу и стала ѣсть, а Авдѣичъ присѣлъ на кровать къ ребенку. Чмокаль, чмокаль ему Авдѣичъ губами да плохо чмокается, зубовъ нѣту. Все кричитъ ребеночекъ. И придумалъ Авдѣичъ его пальцемъ пугать, замахнется-замахнется на него пальцемъ прямо ко рту и прочь отниметь. Въ ротъ не

даетъ, потому палець черный, въ вару запачканъ. И засмотрѣлся ребеночекъ на палець и затихъ, а потомъ и смѣяться сталъ. И обрадовался и Авдѣичъ. А женщина ѣстъ, а сама рассказываетъ, кто она и куда ходила.

— Я, говоритъ, солдатка, мужа 8-й мѣсяць угнали далеко, и слуха нѣтъ. Жила въ кухаркахъ, родила. Съ ребенкомъ не стали держать. Вотъ третій мѣсяць бьюсь безъ мѣста. Проѣла все съ себя. Хотѣла въ кормилицы—не берутъ—худа, говорятъ. Ходила вотъ къ купчихѣ, тамъ наша бабочка живетъ, такъ обѣщали взять. Я

думала совсѣмъ. А она велѣла на той недѣлѣ приходить. А живетъ далеко. Изморилась и его сердечнаго, замучила. Спасибо, хозяйка жалѣетъ насъ за ради Христа на квартирѣ. А то бы и не знала какъ прожить.

Воздохнулъ Авдѣичъ и говоритъ: „А одежи-то теплой али нѣтъ?“

— Пора тутъ, родной, теплой одежѣ быть. Вчера платокъ послѣдній за двугривенный заложила.

Подошла женщина къ кровати и взяла ребенка, а Авдѣичъ всталъ, пошелъ къ стѣнкѣ, порылся, принесъ старую поддевку.

— На, говорить, хоть и плохая штука, а все пригодится завернуть.

Посмотрѣла женщина на поддевку, посмотрѣла на старика, взяла поддевку и заплакала. Отвернулся и Авдѣичъ; полѣзъ подъ кровать, выдвинулъ сундучекъ, покопался въ немъ и сѣлъ опять противъ женщины.

И сказала женщина:— Спаси тебя Христось, дѣдушка, наслалъ, видно, Онъ меня подъ твое окно. Заморозила бы я дѣтище. Вышла я, тепло было, а теперь вотъ какъ студено завернуло. И наставилъ же Онъ, Батюшка, тебя въ окно

поглядѣть, и меня горькую пожалѣть.

Усмѣхнулся Авдѣичъ и говорить:—И то Онъ наставиль. Въ окно-то я, умница, не спроста гляжу.

И разсказаль Мартынъ и солдаткѣ свой сонъ, и какъ онъ голосъ слышалъ, что обѣщался нынѣшній день Господь придти къ нему.

— Все можетъ быть, сказала женщина, встала, накинула поддевку, завернула въ нее дѣтище и стала кланяться, стала опять благодарить Авдѣича.

— Прими, ради Христа, сказаль Авдѣичъ и подалъ ей двугривенный—платокъ выкупить.

Перекрестилась женщина, перекрестился Авдѣичъ и проводилъ женщину.

Ушла женщина; поѣлъ Авдѣичъ щей, убрался и сѣлъ опять работать. Самъ работаетъ, а окно помнитъ, какъ потемнѣетъ въ окнѣ, сейчасъ и взглядываетъ, кто прошелъ. Проходили и знакомые, проходили и чужіе, и не было никого особеннаго.

И вотъ, видитъ Авдѣичъ, противъ самаго его окна остановилась старуха, торговка. Несетъ лукошко съ яблоками. Немного ужъ осталось, видно всѣ распродала, а черезъ плечо держитъ мѣшокъ щепокъ. Набрала

должно быть, гдѣ на постройкѣ, къ дому идетъ. Да видно оттянулъ ей плечо мѣшокъ; захотѣла на другое плечо переложить, спустила она мѣшокъ на панель, поставила лукошко съ яблоками на столбикѣ, и стала щепки въ мѣшкѣ утрясать. И пока утрясала она мѣшокъ, откуда ни возмись, вывернулся мальчишка, въ картузѣ рваномъ, схватилъ изъ лукошка яблоко и хотѣлъ проскользнуть, да смѣтила старуха, повернулась и сцапала малаго за рукавъ. Забился мальчишка, хотѣлъ вырваться, да старуха ухватила его обѣими руками, сбила съ него картузъ

и поймала за волосы. Кричитъ мальчишка, ругается старуха. Не успѣлъ Авдѣичъ шила воткнуть, бросилъ на полъ, выскочилъ въ дверь, даже на лѣсницѣ спотыкнулся и очки уронилъ. Выбѣжалъ Авдѣичъ на улицу: старуха малаго треплетъ за вихры и ругаетъ, къ городовому вести хочетъ; малый отбивается и отпирается:— я, говоритъ, не бралъ, за что бъешь, пусти. Сталъ ихъ Авдѣичъ разнимать, взялъ мальчика за руку и говоритъ:

— Пусти его, бабушка, прости его, ради Христа;

— Я его такъ прощу, что онъ до новыхъ вѣнниковъ не

забудеть. Въ полицію шельмеца сведу.

Сталь Авдѣичъ упрашивать старуху:

— Пусти говоритъ бабушка, онъ впередъ не будетъ. Пусти ради Христа.

Пустила его старуха, хотѣль мальчикъ бѣжать, но Авдѣичъ придержалъ его.

— Проси, говоритъ, у бабушки прощенья. И впередъ не дѣлай, я видѣль, какъ ты взяль. Заплакаль мальчикъ, сталь просить прощенья.

— Ну, вотъ такъ. А теперь яблоко на, вотъ тебѣ. И Авдѣичъ взяль изъ лукошка и

далъ мальчику. Заплачу, бабушка, сказалъ онъ старухѣ.

— Набалуешь ты ихъ такъ, мерзавцевъ, сказала старуха. Его такъ наградить надо, чтобы онъ недѣлю на задницу не садился.

— Эхъ бабушка, бабушка, сказалъ Авдѣичъ. По нашему такъ, а по Божьему не такъ. Коли его за яблоко высѣчь надо, такъ съ нами то за наши грѣхи что сдѣлать надо?

Замолчала старуха.

И рассказалъ Авдѣичъ старухѣ притчу о томъ, какъ хозяинъ простилъ оброчнику весь большой долгъ его, а оброчникъ пошелъ и сталъ душилъ сво-

его должника. Выслушала старуха, и мальчикъ стояль слушаль.

— Богъ велѣль прощать, сказалъ Авдѣичъ, а то и намъ не простится. Всѣмъ прощать, а несмысленному-то и поготово.

Покачала головой старуха, вздохнула.

— Такъ-то, такъ, сказала старуха, да ужъ очень наболовались они.

— Такъ намъ, старикамъ, и учить ихъ, сказалъ Авдѣичъ.

— Такъ и я говорю, сказала старуха. У меня самой ихъ семеро было,—одна дочь осталась. И стала старуха расска-

зывать, гдѣ и какъ она живетъ у дочери, и сколько у ней внучать. Вотъ, говоритъ, сила моя ужъ какая, а тружусь. Ребятъ, внучать жалко, да и хороши внучата-то; никто меня не встрѣтитъ, какъ они. Аксютка, такъ та ни къ кому и не поидеть отъ меня. Бабушка, милая бабушка, сердечная... И совсѣмъ размякла старуха.

— Извѣстно дѣло ребячье. Богъ съ нимъ, сказала старуха на мальчика.

Только хотѣла старуха поднимать мѣшокъ на плечи, подскочилъ мальчикъ, и говоритъ: дай я снесу, бабушка, мнѣ по дорогѣ. Старуха покачала го-

ЛОВОЙ и взвалила мѣшокъ на мальчика.

И пошли они рядомъ по улицѣ. И забыла старуха спросить у Авдѣича деньги за яблоко. Авдѣичъ стоялъ и все смотрѣлъ на нихъ и слушалъ, какъ они шли и что-то все говорили.

Проводилъ ихъ Авдѣичъ и вернулся къ себѣ, нашель очки на лѣстницѣ, и не разбились, поднялъ шило и сѣлъ опять за работу. Поработалъ немного, да ужъ сталъ щетинкой не попадать и видитъ фонащикъ прошолъ фонари зажигать. „Видно надо огонь засвѣчать“, подумалъ онъ, заправилъ лам-

почку, повѣсилъ и опять принялся работать. Докончилъ одинъ сапогъ совсѣмъ; повертѣлъ, посмотрѣлъ: хорошо. Сложилъ струментъ, смелъ обрѣзки, убралъ щетинки и концы и шилья, взялъ лампу, поставилъ ее на столъ и досталъ съ полки Евангеліе. Хотѣлъ онъ раскрыть книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вчера обрѣзкомъ сафьяна заложилъ, да раскрылось въ другомъ мѣстѣ. И какъ раскрылъ Авдѣичъ Евангеліе, такъ вспомнился ему вчерашній сонъ. И только онъ вспомнилъ, какъ вдругъ послышалось ему, какъ будто кто-то шевелиться, ногами пе-

реступаетъ сзади его. Оглянувшись Авдѣичъ и видитъ: стоятъ точно люди въ темномъ углу— стоятъ люди, а не можетъ разобратъ, кто такіе. И шепчетъ ему на ухо голосъ:

— Мартынь! А Мартынь. Или ты не узналъ меня?

— Кого, проговорилъ Авдѣичъ.

— Меня, сказалъ голосъ. Вѣдь это Я. И выступилъ изъ темнаго угла Степанычъ, улыбнулся, и, какъ облачко разошелся и не стало его...

— И это Я, сказалъ голосъ. И выступила изъ темнаго угла женщина съ ребеночкомъ и улыбнулась женщина, и засмѣ-

ялся ребеночекъ и тоже пропали.

— И это Я, сказалъ голосъ—
выступила старуха и мальчикъ
съ яблокомъ и оба улыбнулись
и тоже пропали.

И радостно стало на душѣ
Авдѣича, перекрестился онъ,
надѣлъ очки и сталъ читать
Евангеліе, тамъ гдѣ открылось.
И наверху страницы онъ прочелъ:

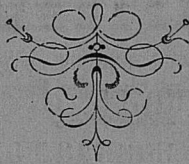
„И взалкалъ Я, и вы дали
Мнѣ ѣсть, жаждалъ, и вы напоили
Меня, былъ странникомъ,
и вы приняли Меня...“

И внизу страницы прочелъ
еще:

„Такъ какъ вы сдѣлали это

одному изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“. (Матѳея 25 глава).

И понялъ Авдѣичъ, что не обмануль его сонъ, что точно приходилъ къ нему въ этотъ день Спаситель его, и что точно онъ принялъ Его.

Изданія книжнаго склада „Посредникъ“.

- 1) Чѣмъ люди живы. Льва Толстого.
- 2) Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. Его же.
- 3) Кавказскій плѣнникъ. Его же.
- 4) Два старика. Его же
- 5) Упустишь огонь, не потушишь. Его же.
- 6) Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.
- 7) Христось въ гостяхъ у мужа. Н. С. Лѣскова.
- 8) Галя, разсказъ О. И. Шмидтъ.
- 9) Странникъ.
- 10) Житіе св. Филарета Милостиваго.
- 11) Францискъ Ассизскій. Е. П. Свѣшниковой.
- 12) Фабіола, или древнія христіане. Ея же
- 13) Сокрытъ.

Каждая книжка съ двумя рисунками на обложкѣ.

- 14) Судъ людской не Божій, или Дѣдъ Софронъ. Разсказъ В. И. Савихина, съ 6-ю рисунками И. Е. Рѣпина и К. А. Савицкаго.

Приготавливаются къ печати: житіе св. Павлина Ноланскаго, житіе св. Петра Мытаря, Скупой и другія книжки этого изданія.

КАРТИНЫ:

1. Испушеніе Господа нашего Иисуса Христа.
2. Страданія Господа нашего Иисуса Христа.
3. Дѣвченки умнѣе стариковъ.
4. Спѣсь.

Каждая картина съ соотвѣтствующимъ изложеніемъ помѣщается на листѣ размѣромъ въ (14×10) вершковъ.

Приготавливаются къ печати другія картины.

Просятъ обращаться съ заказами и за справками непосредственно въ книжный складъ „Посредникъ“ (25, Б. Дворянская С.-Пб.) и туда-же адресовать всякую переписку по поводу этихъ изданій.

лик н 2853.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ „ПОСРЕДНИКА“.

Въ С.-Петербургѣ:

Въ книжномъ складѣ „Посредникъ“, Большая Дворянская, д. № 25, Петербургская сторона. (Главный складъ, редакція и контора).

Въ Валдаѣ:

У Николая Ивановича Афанасьева, Введенская улица.

Въ Москвѣ:

У книгопродавца И. Д. Сытина и К^о, у Ильинскихъ воротъ, д. Мединцевой, и на Никольской, д. гр. Орлова-Давыдова.

Въ Курскѣ:

Въ книжномъ магазинѣ Кашкина, комиссіонера музыкальныхъ классовъ.

Въ Харьковѣ:

Въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, комиссіонеровъ Государственной Типографіи, Московская улица, домъ Императорскаго Харьковскаго Университета, № 7.

Въ Новочеркасскѣ:

Въ магазинѣ Н. И. Рѣдичкина, Ипатовскій проспектъ, домъ Бондыревой.

OUR N 2853

НЕ ВЪ СИЛЪ БОГЪ, А ВЪ ПРАВДЪ.